

Людмила И. Даниленко

Метафоры, которыми живет время в чешском лингвокультурном пространстве

В названии нашей статьи легко угадывается аллюзия на известную книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Метафоры, которыми мы живем*. Как известно, авторы изучали метафору как лингвокогнитивный и культурный феномен, в результате чего ими была создана теория концептуальной метафоры. «Мы обнаружили, – пишут авторы, – что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична.» (Лакофф, Джонсон 2004: 25)

Таким образом, метафора проникает в повседневное мышление (жизнемышление по Г. Гачеву), и язык человека является ключом к адекватному объяснению того, что люди считают значимым в своей жизни, в своем повседневном опыте, в материальном и культурном окружении.

Целью нашего исследования является выявление метафорических моделей темпоральности в чешской лингвокультуре на материале паремиологических единиц. Этот материал, насколько нам известно, еще не являлся предметом специального изучения.

Время – основной атрибут человеческого бытия. Сложно найти объект или понятие, которые бы не имели отношения ко времени. Даже пространство не столь всеобъемлюще. Время является грамматической категорией, а пространство – нет. Можно, например, утверждать, что понятия правды, радости, любви не имеют пространственных характеристик, но говорить о них вне времени невозможно. Время принадлежит к тем основным архетипам, которые определяют жизнь человека, ср. метафору *жизненный путь*, который вне временных рамок не существует.

Время, как музыка, может иметь свою мелодию, темп, ритм – это ритм рождения и смерти, дня и ночи, времен года. Таким образом, диалектика устойчивости и изменчивости, стабильности и совершенствования, сохранения и улучшения – на этой основе строится когнитивная теория

времени, которая включает в себя и мировоззренческие, и психологические, и прагматические и лингвистические составляющие.

С точки зрения современной когнитивной лингвистики время является сложным абстрактным концептом, который воспринимается и осознается через связь с пространством. Не случайно во многих славянских языках существуют композиты укр. *часопростір*, белор. *часапрастора*, чеш. *časoprostor*, пол. обр. *czasoobszar*, клише рус. *временное пространство*, болг. *временно пространство*, словен. *časovni prostor* и др. И если в научной литературе все же встречаются отдельные исследования компонентов этого феномена, то это связано с желанием автора акцентировать свое внимание на одном из них.

Раздельное исследование двух концептов – время и пространство – интересно еще и потому, что для некоторых европейских культур время выступает доминантой по сравнению с пространством. К такому выводу пришел Г. Д. Гачев, анализируя национальные образы мира по данным истории, философии и культуры:

Что важнее и как будто является врожденным у народа в его культуре? Пространство или Время? Для немцев – Время роднее. По Канту, Время – это априорная форма чувственности человека, а *Innere*, внутренняя жизнь души, привилигированная ценность на немецкой шкале сверхидей... А для русских важнее пространство. Россия – это страна бесконечного простора в выражении Гоголя. Англосаксонское «Время – деньги» не могло бы прийти в голову русскому человеку. (Гачев 1998: 17)

На этой особенности акцентирует также Я.В.Зубкова, которая исследовала концепт «пунктуальность» в немецкой лингвокультуре:

Мы считаем, что отношение ко времени в русской культуре является относительной ценностью, в то время как для представителей немецкой культуры эта ценность является абсолютной. (Зубкова 2005: 213–214)

В этом контексте можно пояснить яркую русскую метафору *время терпит*, которая не имеет точного и прямого образного эквивалента ни в украинском, ни в чешском языках, а переводится соответственно *ще є час / to tá čas* (ср. также семантику русских слов *выжидать*, *мешкать*, *погодить*, *повременить*). Хотя есть и другие примеры, которые демонстрируют умеренное отношение ко времени не только русских, но и других представителей восточных славян, укр. *ще не вечір, поживемо – побачимо, не сьогодні – так завтра, поспішай повільно, шукати вчорашнього дня* и др.

Имея фактически тысячелетнюю историю, понятие «время» сформировалось как сложный трикомпонентный, по Ю.С.Степанову, концепт, в котором каждый шар – это результат или же «осадок» культурной жизни разных эпох: 1) «активный» шар (актуальный, основной признак), который существует для всех пользователей языка; 2) дополнительный, «пассивный» признак; 3) внутренняя форма (этимология слова), обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме (Степанов 1997: 46–47).

Начнем с третьего структурного шара – этимологии чешского слова *čas*, которая, как покажем в дальнейшем изложении, повлияла на формирование «активного шара» этого концепта – на лингвистические образы времени, как правило, метафорические, связанные с многочисленными ассоциациями и персонификациями этого понятия.

Этимологические словари чешского языка фиксируют общеславянское происхождение слова *čas*: рус. *час*, польск. *czas*, серб. и хорв. *čas*. Поиски индоевропейских корней приводят к нескольким версиям: *psl. *časъ* связывается с 1) з ие. **kēi-* ‘быть в движении’; 2) с ие. **kes-* ‘бежать, спешить’; 3) с ие. **kēi-* ‘резать, пилить, строгать, царапать’ (ESJS 99). Исходя из последнего значения, Ю.С.Степанов считает, что «первоначально слав. слово *час* означало ‘зарубка’ (на дереве, на палке), а затем – время между двумя зарубками. Именно такие отношения подтверждаются материальной культурой – историей часов (как механизма)» (Степанов 1997: 242).

Для того, чтобы ответить на вопрос, как структурируется метафора времени в чешской паремиологии, пучок каких ассоциаций, эмоций, симпатий и антипатий с ней связан, мы отобрали валентности лексемы *čas* в моделях «время как субъект» и «время как объект». В первой модели самой активной оказалась метафора ВРЕМЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ: движение в воздухе, на суше, в воде. Динамический признак передается глаголами:

- *utíkat* ‘убегать, бежать’, напр.: *Čas utíká jak voda*;
- *přicházet* ‘приходить’: *Přijde čas, přijde rada*; *Přijde čas, že se zeptá zima, cos dělal v létě*; *Když přijde čas, každěj tam musí*;
- *přinášet* ‘приносить’: *Čas růže přináší*; *Co rozum nedává, čas přináší*;
- *nevrátit se* ‘не возвратиться’: *Ztracený čas nikdy se nevrátí*; *Ztracený čas nevrátí se zas*;
- *vynášet* ‘выносить’: *Čas vše najevo vynáší*;
- *odnášet* ‘относить’: *Krásu odnáší čas*;
- *měnit se* ‘изменяться’: *Všecky věci čas mění*; *Časy se mění, co bývalo není*;

- ucházet ‘проходить’ *Čas rychle uchází*;
- nosit ‘носить’: *Čas své břímě nosí*;
- uplynout ‘истечь’: *Uplyne-li jednou čas, nevrátí se nikdy zas*;
- plynout ‘плыть’: *Čas plyne jako voda; Řeka teče a léta plynou*.

Такую метафорическую продуктивность глаголов движения относительно времени следует связывать с самим происхождением понятия «время» в чешском языке. Чешский этимолог В. Махек (Machek 1957), комментируя выражение *čas utíká* «время бежит», но не **doba utíká* «пора бежит», предполагает, что праславянский и старославянский *časъ* означал первоначально бег, текучесть времени, но не конкретный его отрезок. Можно также предположить, что названные нами глаголы имеют отношение к линейному, а не циклическому времени, потому что семантика этих глаголов не выражает движение по кругу, а обозначает процесс движения, течения в определенном направлении. Именно поэтому в роли объекта сравнения выступает река: *Čas utíká jak voda; Čas plyne jako voda, každý chvilku věčná škoda*, ср. укр. *час рікою пливе, багато води сплигло* ‘прошло много времени с какого-то события’, рос. *время истекло* ‘время, предназначенное для чего-то, закончилось’. Определить хронологию «водных» ассоциаций времени довольно сложно. Ю.С. Степанов, например, считает, что представление о «потоке», или «реке» времени в древней Греции относится к 5 ст. до н.э. (Степанов 1997: 126). Если принять во внимание, что в Вавилоне, а потом в древней Греции и Риме до появления механических часов время измеряли с помощью водных часов, то модель «время бежит, как вода» возникла как результат не метафорического, а метонимического переноса наименования на денотат.

Одной из известных метафор времени как субъекта действия является его отождествление с лекарем: *Čas je nejlepší lék(ař) – Время – лучший лекарь*. Время может *hojit* ‘лечить раны’, *uzdravovat* ‘вылечивать, исцелять’: *Čas hojí všechny rány; Čas raní, čas hojí; Lékař léčí, ale čas uzdravuje*. «Лекарский» мотив о времени, который известен пословицам и поговоркам многих языков (ср. укр. *час лікує, час рани гоїть, час мине – сльози зжене*), своими корнями уходит в творчество древнегреческого поэта Менандра: «Время лечит неизлечимое, восстанавливает непоправимое, избавляет от неизбежного», а в другой редакции: «Время – исцелитель всех неизбежных зол» (БМС 2005: 126).

Времени приписывают свойства разумного существа, которое способно строить и разрушать (*Čas hrady staví, čas je zas odstaví*), советовать

(*Čas nejlépe poradí*), помогать (*Kde rozum nestačí, čas pomůže*), не ждать (*Čas na nikoho nečeká*), платить и тратить деньги (*Čas platí, čas tratí; Čas jsou peníze*). Выражение *время – деньги*, которое Г.Д. Гачев называет типичным именно для англосаксонской культуры, хотя и является калькой англ. *time is money*, на самом деле известно со времен греческого ученого и философа IV ст. до н.э. Теофраста и в переводе значит: «Время есть дорогая трата» (Михельсон 1994, I: 127).

В модели «время как объект», которого касается способ осуществления действия, чаще всего проявляется идея текучести и необратимости времени. В чешском языке она реализуется падежными или предложно-падежными формами *časem* ‘с течением времени, со временем’, *na čas, do času* ‘ненадолго’, напр.: *Časem vše přijde; Časem vše zapadá; I ta nejhlubší studna se časem vyčerpá; I nejsilnější lano se časem přetrhne; Co lidská ruka stvoří, nic nevydrží, všechno je jen na čas; Nehleď na krásu, ta je do času*. В приведенных примерах зафиксирован основной христианский признак времени: время неумолимо идет, проходит, его не догонишь (*Promeškaný čas nikdy nedohoníš*), оно никогда не возвращается. Оно – преходяще, и только Бог – вечен: *Všecky věci na čas, Pán Bůh na věky*. В библейских текстах, – пишет Н. Д. Арутюнова, – слова времени (время, день, час) регулярно употребляются в значении ‘срок’ – время, уготованное для некоторого события (Арутюнова 1997: 52). По библейским канонам человек не знает, сколько времени ему отведено на земную жизнь (*Člověk neví dne ani hodiny*), но ‘всякому существу’ под солнцем определено свой срок, и на все – свое время: *Všechno má svůj čas; Každý má svůj čas; Čas k jídlu, čas k dílu, čas i k božímu tanci; Čas práci, a zábavám svá doba; I zpěvu čas, i modlitbě svá chvíle; Dočkej času, co hus klasu*, ср. рус. : *Всякому овощу свое время*. В чешских поговорках христианская идея о Боге-творце, который дает и день, и пищу, осталась неизменной: *Bůh dá den, bůh dá i pokrm; Sen je sen, a Pán Bůh řídí noc a den*.

Необратимость времени – абстрактная идея. Свое прагматическое наполнение она приобретает только в контексте с человеческим бытием: «Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени» (Арутюнова 1997: 52). Хорошо известна сентенция, автором которой считают современника А.С.Пушкина М.Сафира: «Время проходит? Времяечно – проходите вы». В ней время – символ мимолетности человеческой жизни. Персонифицированное время, таким образом, выступает в роли организатора жизни человека и воспитателя в нем «чувства времени». Человек не всегда способен осознавать цену времени, он его *теряет*,

переводит, прожигает, транжирит, разбазаривает. Поэтому время выступает средством предостережения а то и силового давления на адресата, ср. русскую загадку *Когда есть – его убивают, когда нет – убиваются.* Сила и выразительность этого языкового образа основывается на столкновении в одном контексте лексической пары (почти омофонов) *убивают – убиваются.*

Темпоральная координата чешских паремий включает важный ценностный аспект. Оценка отражает взаимодействие человека и действительности. Представление о наполненности времени (ср. экспрессивное рус. *времяпрепровождение*) коррелирует с системой как положительных оценок, так и отрицательных, когда осуждается нерациональное использование времени. Главная императивная норма времени формулируется как требование быть трудолюбивым. Работа – критерий правильности использования времени: *Važ si času, chop se práce, zahálky se střež co zrádce; Čiň to, čiň jiné, tak ti čas mine; Kdo má mnoho práce, nemá čas na bolení srdce; Kdo je zaměstnán, snadno mu den uběhne; Raděj sám do noci, než při cizí pomoci.*

У метафор есть свойства, посредством которых они отражают определенные стороны нашего опыта и обеспечивают их преэминентность, напр.: *Čas kaši vařiti, dokud dříví hoří* (букв. время варить кашу, пока есть огонь, т. е. время действовать, пока есть для этого подходящие условия).

Метафорическую модель времени в чешской паремиологии, кроме собственно лексемы *čas*, образуют названия конкретных временных отрезков. Это «доли» или «части времени» (по Ю. Степанову): *doba, den, týden, hodina, rok/léta, noc, chvíle, léto, zima, jaro.* Их частотность очень разная – от высокой у слов *den, rok/léta* до невысокой у слов *týden, zima, jaro, podzim.*

Части дня метафорически переносились на периоды жизни человека: утро – молодость, вечер – старость. Молодость ассоциировалась с успехом, золотыми временами (*Zlaté časy, mladá léta!*), возможностью самореализации через обучение (*Mládí čas k učení*), а старость – с приобретением мудрости (*Rozum s lety roste*), но потерей здоровья (*K podzimu života zdraví nepřibývá; Když přichází člověk do let, začíná ho všechno bolet; obecně Přibývají léta, přibývají nemoce*).

Если замкнутый годовой круг и круг суточный – это исключительно универсальное природное явление, то деление этих кругов на отрезки времени, по словам Н. И. Толстого, – «дело ума, восприятия и опыта

человеческого» (Толстой 1997b: 17). Одна из форм осмысления времени – это оппозиция свет / тьма. Утро, день и вечер, ночь являются компонентами пословиц, в которых метафорически отражены архаические представления о «чистом» и «нечистом» времени. В отличие от восточнославянских языков, в которых, по народной логике, мудрые качества приписывались утру, а не вечеру (ср. укр. *Ранок мудріший від вечора / ранок покаже*; рус. *Утро вечера мудренее / утро покажет*, белор. *Пераначуем – лепей пачуем; Думай з вечара, а рабі з рання*), в чешском языке в этой позиции выступает другой период времени, но тоже светлый – день: *Den večera moudřejší*. Причем народная мудрость предостерегала хвалить день, пока он не кончится, то есть не завершится суточный цикл, поскольку особое сакральное значение имели двенадцать часов ночи как граница двух суток: *Nechval den, až uplyne; Nechval dne před večerem; Hodina před půlnoci lepší, než dvě po půlnoci*. Полночь была началом глухого периода ночи, с которым человек всегда связывал опасность и страх, а в мифологических верованиях это время считалось разгулом нечистой силы: *Noc má svou moc. Noc je přítel zloděje. Zloděj v noci krade, a ve dne ho věsí*.

Противопоставление хорошее, удачное, позитивное время vs. тяжелое, негативное, неблагоприятное время маркируются контрастными определениями *белый – серый* и воплощают идею сущности настоящей человеческой дружбы в пословице: *Jsou-li časy bílé, máš přátele, nastanou-li časy šedé, nemáš žádné*. Воспитывая в человеке чувство меры по отношению ко времени, народная мудрость не одобряла длительное гостевание: *Ryba a host třetí den dost; Host a ryba třetího dne smrdí; Host první den zlato, druhý den stříbro a třetí den měď: honem domů jed'*.

В современном чешском языке, как отмечалось, лексема *čas* имеет разветвленную шкалу значений (в толковом словаре их десять). Одно из них – *počasí* ‘погода’. Без знания этого значения невозможно адекватно понять пословицу *Po dešti bývá čas, po čase přší zas* «После дождя бывает хорошая погода, после хорошей погоды снова идет дождь» (букв. : После дождя бывает время, по прошествии времени снова идет дождь); *Za času sluší jahody sbíratí, višně trhati a svým časem i hrušky česati*. Чешская метафора *psí čas* (букв.: собачье время) и его синоним *psí počasí* означают плохую погоду, при которой хороший хозяин и собаки на улице не выгонит. Логическая связь между понятиями «время – погода» прослеживается прежде всего по этимологии чешского *počasí* ‘погода’. Будучи производным от *čas* (ESJS: 99), чешское слово *počasí*, очевидно,

определенный период могло служить наименованием самого времени и наоборот – *čas* могло означать *počasí*. На ранних этапах развития мышления человека была характерной связь его непосредственной практической деятельности с природными явлениями, существовала безусловная зависимость хозяйственной деятельности человека от погоды. Поэтому понятие погоды развивалось в тесной связи с представлениями о времени. На широком материале славянских диалектов, моделируя семантическое поле «дождь – погода – время – год – час», это убедительно доказал М.И.Толстой (Толстой 1997а: 49–56). С первоначальной синкретической семантики чешского слова *čas* впоследствии выделилось значение *počasí*, причем с положительной коннотацией, то есть в значении ‘благоприятная погода’ или погода, благоприятная для работы. Словарь Б. Гринченко, например, тоже подает украинское *верем’я* в значении ‘хорошая погода’ (Грінченко 1908: 135), а в романских языках, как известно, «время» обозначает любую погоду.

В поле синонимических связей *čas* – *počasí* «время – погода» в чешском языке находится лексема *pohoda* 1. ‘погожая, хорошая, благоприятная погода’, например, *letní pohoda* и 2. ‘состояние покоя и счастья’ (SSJČ II: 688). То же самое подтверждает и М. И. Михельсон: «время (иноск.) счастье» (Михельсон I: 126). Таким образом, время в чешской языковой картине мира осмысливается также как психологически комфортные условия существования, как счастье, «определяющим фактором которого признается любовь» (Воркачев 2004: 189). Эту связь отчетливо и с большим эмоциональным зарядом передает одна чешская притча, которую здесь следует привести:

Давным давно в незапамятные времена существовал один остров, на котором жили все чувства и качества человека: богатство, гордость, печаль, хорошее настроение, знания ... а также любовь. Однажды чувства узнали, что остров исчезнет. Каждое построило себе корабль и поспешило покинуть остров. Только любовь ничего не делала, ждала, а в последнюю минуту попросила о помощи.

На роскошном корабле проплывало мимо богатство. Любовь спросила: «Богатство, можешь меня взять с собой?». – «Нет, не могу, любовь. У меня на корабле много золота и серебра. Здесь для тебя нет места».

Затем любовь спросила у гордости, которая проплывала мимо на прекрасном корабле: «Гордость, можешь меня взять с собой?» – «Я не могу тебя взять с собой, любовь, – ответила гордость, – здесь все пыльное. Ты можешь повредить мой корабль».

Тогда любовь обратилась к печали: «Печаль, пожалуйста, возьми меня с собой!» – «Ах, любовь, – сказала печаль, – мне так грустно, что я должна остаться одна».

И хорошее настроение проплыло мимо любви и было так довольно, что даже не слышало, когда к нему обращалась любовь.

Вдруг какой-то голос сказал: «Пойдем, любовь, я возьму тебя с собой». Это был какой-то старец. Любовь была так благодарна и счастлива, что забыла спросить его имя. Когда они добрались до суши, старец ушел. Любовь поняла, что перед ним в долгу, и спросила у знания: «Можешь мне сказать, кто мне помог?». «Это было время», – ответило знание. «Время? А почему мне помогло время?», – спросила любовь. И знание ответило: «Потому что только время знает, как важна в жизни любовь ...»

Эта красивая притча, впрочем, имеет научные лингвистические корни. Согласно этимологическому словарю чешского языка, как мы упоминали выше, слова *počasí – pohoda – štěstí – láska* образуют звенья одной цепочки. В подтверждение сказанного можно привести слова Ю. Степанова:

И тем самым от проблемы времени мы пришли к проблеме любви. Для читателя нестороннего, для читателя этого Словаря такой вывод должен быть не только естественным, но и вполне системным. (Степанов 2004: 248)

Рассмотрение метафорических моделей времени в чешском лингвокультурном пространстве позволяет сделать следующие выводы: метафоры времени являются вербальными знаками вторичной номинации, результатом устойчивых социально значимых и многоаспектных ассоциативных отношений между элементами объективной действительности. Образно осмысливается циклическое и линейное время. Время субъективно, метафорически оно осмысливается лишь в связи с событиями в жизни человека. Причем акцентируется внимание на количественном параметре времени, от которого зависят качественные показатели. Но при этом время маркировано коллективным опытом, оценкой, эмоциями и впечатлениями. Иными словами, метафора времени имеет архетипическую природу и основана на древнейших, надличностных представлениях, в основе которых лежит человеческий опыт по освоению окружающего мира. Отношение ко времени определяется возрастом человека.

Источники и литература

- АРУТЮНОВА, Нина Д., 1997: *Время: модели и метафоры*. Нина Д. Арутюнова, Татьяна Е. Янко (ред.): *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: «Индрик». 51–61.
- БМС 2005 = Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И.: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Под ред. В.М.Мокиенко. Москва: Астрель, АСТ, Люкс.
- ВОРКАЧЕВ, Сергей Г., 2004: *Счастье как лингвокультурный концепт*. Москва: Гнозис.
- ГАЧЕВ, Георгий Д., 1998: *Национальные образы мира*. Москва: Изд.центр «Академия».
- ГРИНЧЕНКО, Борис, 1908: *Словарь української мови*. – Т. 1. Київ: Наукова думка.
- ЗУБКОВА, Яна, 2005: *Концепт «пунктуальность»: Иная ментальность*. Москва: Гнозис. 203–256.
- ЛАКОФФ, Джордж, ДЖОНСОН, Марк, 2004: *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: УРСС.
- МИХЕЛЬСОН, Мориц И., 1994: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. – т.1–2. Москва: Русские словари.
- СТЕПАНОВ, Юрий С.Ю., 1997: *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- ТОЛСТОЙ, Никита И., 1997а: *Из опыта типологии славянского словарного состава. I. Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология*. Москва: «Языки русской культуры».
- ТОЛСТОЙ, Никита И., 1997б: *Времени магический круг (по представлениям славян)*. Нина Д. Арутюнова, Татьяна Е. Янко (ред.): *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: «Индрик». 17–27.
- ESJS 1990 = *Etymologický slovník jazyka staroslovenského. 2*. Praha: Academia.
- МАЧЕК, Václav, 1957: *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd.
- SSJČ 1971 = *Slovník spisovného jazyka českého*. – d. I – II. Praha: Academia.